

Марина Михайлова

*Самарский государственный социально-педагогический университет
(Самара, Россия)*

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ НЕВЫРАЗИМОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX В.

Понятие невыразимого на протяжении столетий занимало внимание исследователей (В. И. Абрамова 2007; Ж. Деррида 1999; Е. П. Иванян 2015; М. Кита 2002; Р. Лахманн 2009; Т. М. Николаева 1985; Е. В. Синцов 2003 и др.). В XXI в. семантика невыразимого (СН) описана как функционально-семантическая категория русского языка со своим планом содержания ('невозможно выразить словами') и средствами выражения, иерархически организованными и представленными на разных уровнях языка (Михайлова 2017). Было подробно описано бытование средств передачи СН в художественных текстах, интернет-коммуникации и научной сфере. Целью настоящего исследования является определение специфики СН в русском публицистическом дискурсе XIX в.

Языковым материалом явилось 38 публицистических статей М. П. Погодина (Погодин 2009). Михаил Петрович Погодин – российский ученый, историк, писатель и публицист XIX в. Уже названия статей говорят о векторе интересов российского историка: *Непостижимости, Об ограниченности разума, О бытии Божиим, О подлинности Евангелий, О науке Богословия, Вступления к описанию случаев так называемых сверхъестественных, Мысли о материализме* и проч. Как видно из названий, ученого-публициста волновали вопросы мироздания, его безграничности, странные и необъяснимые явления, случаи.

Из биографии известно, что Погодин – коллекционер, который на протяжении жизни собирал предметы старины, значительное количество икон, так что в дальнейшем государство выкупило у коллекционера ценное русское «древлехранилище», вещественные и письменные памятники старины. Как представляется, ценным для исследования следует считать и коллекционирование Погодиным различных необычных и материалистически необъяснимых случаев, произошедших с разными людьми, в числе которых были известные, исторические личности. Запечатленные в публицистических

статьях подобные случаи регулярно помечаются средствами передачи СН. Нас, конечно, будут интересовать языковые способы оформления подобных происшествий.

Ситуации необычайного, экстраординарного, как правило, определяются воспринимаемыми названные явления как не соответствующие миру реального, скорее пришедшие из мира инобытия. Так называемый мир инобытия в русском дискурсе регулярно помечается средствами передачи СН, это константная сфера передачи значения невыразимого, например: – *Это невозможно передать словами;* – *Происшествие неопишимо* и т. п. (см.: Михайлова 2017). Мир инобытия не может быть познан органами чувств человека, принимается человеком только умозрительно, на веру.

Как показал цикл наших исследований, СН в художественном дискурсе передается такими конститuentами поля как: *невыразимый, неопишимо, нет слов, невозможно найти слова..., где найти слова...* и проч. При широком понимании СН данная функционально-семантическая категория располагает средствами выражения, смежными с семантикой непостижимого и незримого (Михайлова 2015). Иными словами значение невыразимого передается при помощи таких номинаций и сочетаний как *непостижимо, ему непостижимо как...* и проч. То есть в художественном тексте при описании ситуаций, связанных с духовным поиском персонажей, а также при изображении необычайного, частотно представлено кластерное бытование функционально-семантических категорий (или, по-другому – семантик) невыразимого, непостижимого и незримого. При этом семантика незримого более других ориентирована на изображение мира инобытия.

Общее у названных семантик – это высокочастотный прием апофатички, отрицания, например: – *Непостижимо, как это существует;* – *Слов не нахожу, чтобы передать увиденное;* – *Нет слов для выражения незримого.* Осуществляя прием апофатички, говорящий отрицает возможность постичь, познать объект речи.

Что касается публицистики М. П. Погодина, то в кластере «невыразимое – непостижимое – незримое» доминирует второй компонент, третий компонент (*незримое*) в текстах публициста отсутствует.

Собственно средства передачи СН в публицистике М. П. Погодина представлены как однословными единицами, так и предложениями, см. примеры речений:

Если б не было ума, то мы никак не могли бы вообразить составить о нем понятие, кроме того что и воображать, составлять понятие было бы нечем. (Это не ясно, но не умею выразить лучше, **не нахожу выражения**). (*Об ограниченности разума*);

Что такое земля во вселенной? Пылинка. А человек на этой пылинке, а всякая единица из числа современных миллионов, из суммы пребывавших миллиардов! Миллиардная доля пылинки, **нет слова** для наименования этого бесконечно малого. (*Сомнения и недоумения*)

Средства передачи СН в публицистике М. П. Погодина часто передаются развернутыми описательными оборотами (логическими перифразами), например:

Наши вопросы и недоумения образуются по нашим человеческим, связанным со временем и местом, понятиям: многие из них происходят **от недостатков языка, от употребляемых нами слов.** (*Состояние человека*);

Мы спрашиваем и отвечаем, приспособляясь к обыденным понятиям, чтоб объяснить как-нибудь явления и действия: **такими словами ничего для верующих не объясняется (...)** (*Состояние человека*);

Первое слово христианского катехизиса снова выучено. И мы вновь верим (хотя ещё сознавая, как **недостаточны все наши выражения**, чтоб изведать бездну) в Бога Отца, сотворившего меня и всё человечество (*Сознания и подтверждения*).

СН представлена и однословными средствами выражения, например:

[Подаренный генералом Дурнову турецкий мальчик] В тихой радости провел весь этот день и беспрестанно благодарил Дурново за все его благодеяния, и за величайшее из всех – за познание истины и принятие христианства, за это **неописанное** блаженство, говоря, что он более, чем родной отец для него, что он не преходящую даровал ему, а жизнь вечную. (*Предчувствия*)

В приведенном примере СН маркирует сферу духовного, ср. также:

[Пересказ предания Ветхого Завета] Повесть прекрасного Иосифа, трогая моё сердце, оживает его новой **неизъяснимой** надеждой. (*О модных у нас философских толках. Для наших нигилистов и нигилисток*);

... Выходит, что сон этот принадлежит к числу многих подобных **неизъяснимых** явлений нашей жизни, где гордый, пылливый ум человеческий должен умолкнуть ... (*Способность видеть вперед*).

Адъектив *неизъяснимый* имеет значение ‘не постигаемый’ и ‘не передаваемый’. Таким образом, уже в толковании данного средства передачи СН мы видим сопряжение понятий ‘невозможно постичь’ и ‘невозможно выразить’. Однако этот адъектив стилистически маркирован, имеет помету (книжн.). Нейтральный синоним данного адъектива – *необъяснимый*. Как показал анализ языкового материала, последняя лексема и её дериваты (*необъяснимо, необъяснимость*) наиболее частотны в публицистике М. П. Погодина. Однако в одних случаях названные лексемы передают значение непостижимого и невыразимого, то есть СН, в других – ограничиваются маркированием только непостижимого (необъяснимого). Ср.:

Удивительная дерзость или ограниченность тех философов, которые нещуют **объяснить необъяснимое**, и в бессилии объяснить, отрицают всё и вся. (*О молодых у нас философских толках. Для наших нигилистов и нигилисток*)

Оксюморон *объяснить необъяснимое* является средством выражения СН и семантики непостижимого. См. также:

Не всё ли великое, не всё ли духовное для человека **необъяснимо**? (*Способность видеть вперед*);

Кто вникнет в тайну молодой души? Какой неземной голос, ей одной внятней, сказал ему судьбу его, и призвал его в урочный час к паки бытию купели? Кто объяснит это **необъяснимое** действие благодати, призывающей к Отцу Небесному неведомым, таинственным путем, в глубине сердца избранных своих? (*Предчувствия*).

Полагаем, что способствует актуализации СН в адъективе *необъяснимый* и его дериватах синтагматическое окружение: лексемы духовной сферы, христианской тематики (*духовное, благодать, Отец Небесный* и проч.):

Есть множество событий в жизни каждого из нас, которые или остаются незамеченными, или бессмысленно приписываются случаю, но которые при сколько-нибудь внимательном взгляде, носят на себе явную печать особенного Промысла и всецело принадлежат к разряду таких явлений, которые у верующих называются чудесами, а у неверующих **необъяснимыми** случаями. (*Чье-то участие в нашей жизни*)

В контексте адъектив *необъяснимый* формирует противопоставление *чудеса у верующих*, с одной стороны и *необъяснимый случай у – атеистов*. Наличие в левостороннем контексте лексемы *Промысел* в значении ‘Божий промысел’ актуализирует СН. В другом примере адъектив *неизъяснимый* определяет лексему *чудо*:

Зарождение мыслей в голове есть **необъяснимое** чудо, не меньше всех прочих чудес, мысли принадлежат, кажется, собственно человеку, он думает – и они налетают или возникают откуда-то (...). (*Простая речь о мудреных вещах*)

Напротив, преобладание в контексте лексем научного, логического толка гасит сему невыразимого, сохраняя сему фактической необъяснимости, например:

Есть в Швеции один королевский замок, Гринстольм, известный целым рядом сверхъестественных, или, по крайней мере, **необъяснимых** видений. (*Способность видеть вперед*);

[Парня с растерзанной взрывом грудью вылечили заговором] Мгновенно совершенное утолнение боли и жара осталось несомненным, но **необъяснимым** фактом. (*Исторические заметки*);

Лондонское диалектологическое общество назначило (...) особую (...) комиссию, которая в обнародованном отчете своем заявила, что се эти мнимые шалости суть действительные, реальные, **необъяснимые** по нынешней науке явления. (*Исторические заметки*)

Контекст не содействует актуализации СН, правосторонний контекст содержит лексему *наука*, что также актуализирует значение неясного, непознаваемого, но не СН.

Сходным образом «ведет себя» в контексте публицистических текстов М. П. Погодина дериват *необъяснимость*, см. пример, в котором актуализирована СН:

Объяснять, направлять – это было совершенно несогласно с заявленной целью. Напротив – **необъяснимостью** своей эти случаи соответствуют ей гораздо более, принуждая предполагать что-то в делах мира сего, не подлежащее нашим чувствам, – опытам и наблюдениям. (*Послесловие первого издания*)

Актуализации СН содействует синтагматика. Ср.:

Мир, громадные небесные тела, образуются, движутся, изменяются по определенным, величественным по своей простоте законам, доступным не только нашей мысли, но даже нашему вычислению, а всякий гриб, всякая водоросль, всякая блоха в своей истории являются случайностью, **необъяснимостью** (*О разборе Дарвиновой системы*)

В приведенном примере представлено средство выражения семантики непостижимого. Сема невыразимого «гасится» синтагматическим окружением, в частности, наличием лексем научного толка и отсутствием лексем, характерных для передачи мира инобытия (константной сферы выражения СН).

Наибольшей частотностью употребления обладает такое средство передачи СН как адъектив *непостижимый* и его дериваты *непостижимое*, *непостижимо*, *непостижимость* (46 примеров из общего количества 76). Названные лексемы стилистически отмечены, имеют словарные пометы (книжн., поэтич.). В публицистике М. П. Погодина данные номинации применяются для описания высокого осмысления мироздания, Божественного промысла, например:

Может быть, иначе и нельзя было: может быть, естественный ход вещей, последовательность ступеней в таинственной лестнице истории, **непостижимый** теперь для нас порядок допущен в высшем домостроительстве **Божем**. (*Предисловие автора*)

Усиливает актуализацию СН в данном примете не только наличие лексем сферы духовного (*Божий*), но и иносказательный, метафорический план повествования.

В статье *Простая речь о мудреных вещах* конституент СН *непостижимость* представлена с высокой частотностью, значение невыразимости актуализировано в большинстве контекстов, например:

Какая тайна глубже, **непостижимее** тайны бытия?;

Быть, не быть, бытие, небытие – что **непостижимее**?;

Откуда же взялось всё?! Говорят: всё было всегда./ Разве это также не тайна, не **непостижимость**?;

Беспредельность – что это такое? Из каких пространств она составила?/ Как может быть что-нибудь без пределов?/ Но нельзя вообразить себе и пределов; что же за ними? Опять тайна и **непостижимость**!.

Исследователи заметили, что средства СН нередко контактируют со средствами выражения категории неопределенности (Николаева 1985; Сырица 2009, 2014; Иванян 2015; Горшкова 2005; Михайлова 2017). Эта закономерность проявилась и в публицистике XIX в. – в статьях М. П. Погодина, см.:

И вдруг, в этой беспредельной пустоте, зародилось где-то, и наполнило её всю, явилось какое-то вещество. (...) Началось творение наизобразнейшее./ Но довольно ли этой **непостижимости**, чтобы потеряться в бездне мысли и склониться главою в недоумении!

В адъективе *неведомый* в статьях М. П. Погодина актуализируется СН и категория неизвестности (см. о ней: Акимова). Таковы примеры:

... Кто объяснит это необъяснимое действие благодати, призывающей к Отцу Небесному **неведомым**, таинственным путем, в глубине сердца избранных своих? (*Предчувствия*);

[Рассказ великого князя Павла Петровича о видении ему Петра I] ... раздался глухой и грустный голос: «Павел!» Я был во власти какой-то **неведомой** силы и механически отвечал: «Что вам нужно?» (*Явления умирающих в минуту смерти*);

Софисты-философы... стали углубляться в происхождение человечества, и у колыбели его признали вместо библейского Адама, из земли созданного, какое-то **неведомое** существо, медленно выделяющееся из животной жизни (...) (*Ответ естествоиспытателю*).

В публицистических статьях М. П. Погодина адъектив *неведомый* актуализирует СН и значение неизвестности (что усиливается нередким присутствием в контексте неопределенных местоимений). Заметим, что категории неизвестности и неопределенности находятся в отношениях целого и части соответственно.

В целом адъектив *неведомый* как конstituент поля невыразимого в публицистике М. П. Погодина составляет 10% от общего количества средств передачи СН. Примечательна языковая рефлексия на данный адъектив Погодина современного публициста и ученого Д. И. Болотиной:

Невольно возникает вопрос: не обладал ли М. П. Погодин даром предвидения, не помышлял ли он, что пишет не только и не столько для современников, но и для далёких потомков, не было ли ему открыто и доступно нечто неведомое? (Болотина 2009: 11)

Как видим из приведенной цитаты, современная исследовательница употребила конstituент СН – *нечто неведомое*.

Обобщая, сформулируем выводы. Публицистика, ориентированная на вопросы духовности, освещение необычных («сверхъестественных») явлений, как правило, содержит средства передачи семантики невыразимого. СН при этом представлена кластерно, в совокупности с семантиками непостижимого и незримого. Публицистика российского историка и писателя XIX в. М. П. Погодина в значительной мере содержит средства передачи семантики невыразимого при описании вопросов мироустройства, мира божественного, а также сверхъестественных событий. М. П. Погодину более свойственны однословные средства передачи СН; описательные обороты СН в публицистике автора представлены значительно меньше. Лидирующим конstituентом значения невыразимого является адъектив *непостижимый* и его дериваты *непостижимое, непостижимо, непостижимость*. Частотны такие конstituенты поля невыразимого как *неизъяснимый, необъяснимый* и их дериваты. В зависимости от синтагматического окружения в таких конstituентах актуализируется значение непостижимого либо СН.

Библиография

- Абрамова В. И. (2007), *Мотив «невыразимого» в русской романтической картине мира: от В. А. Жуковского к К. К. Случевскому*, Диссертация кандидата филологических наук, Москва.
- Акимов О. Б. (1999), *Семантика неизвестности и средства её выражения в русском языке*, Москва.
- Болотина Д. И. (2009), *Михаил Петрович Погодин и его забытое произведение*, [в:] Горшкова Л. А. (2005), *Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б. К. Зайцева*, Автореферат диссертации кандидата филологических наук, Уфа.
- Иванян Е. П. (2015), *Семантика умолчания и средства её выражения в русском языке*, Москва.
- Лахманн Р. (2009), *Дискурсы фантастического*, Москва.
- Михайлова М. Ю. (2015), *Семантика невыразимого и смежные явления*, СНЦ РАН, т. 17, № 1(4), Самара, с. 963–966.
- Михайлова М. Ю. (2017), *Семантика невыразимого в языке и речи*, Самара.

- Николаева Т. М. (1985), *Функции частиц в высказывании*, Москва.
- Погодин М. П. (2009), *Простая речь о мудреных вещах*, Москва.
- Синцов Е. В. (2003), *Природа невыразимого в искусстве и культуре*, Казань.
- Сырица Г. С. (2009), *Семантика невыразимого как этнокультурный феномен*, «Славянские языки и культуры в современном мире», Москва, с. 294–295.
- Сырица Г. С. (2014), *Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект*, Москва.
- Derrida Ja. (1997), *Doctor honoris causa Universitatis Silesiensis*, Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, Katowice.
- Kita M. (2002), *Użytkownik języka wobec niewyraźnego, niewyrażanego i niewyrażonego*, „Stylistyka XI”, Opole, s. 101–119.

SPECIFICITY OF THE SEMANTICS OF INEXPRESSIBLE IN THE PUBLICISM OF THE XIX CENTURY

(Summary)

The article is devoted to the characterization of expression of the functional-semantic category of inexpressible in the publicism of the XIX century on the works of M.P. Pogodin. A brief characteristic of inexpressible is given; this meaning is compared with the conjugate functional-semantic categories of the incomprehensible, invisible, and also categories of uncertainty. It is shown that the organization of the expression the conjugate categories in Pogodin's works is based on the apophatism. The publicistic work of a historian-publicist is characterized by both single-word constituents of the inexpressible, and in the composition of utterance. The most frequent is an inconceivable adjective and its derivatives (*incomprehensible, incomprehensibly, the incomprehensible*). The adjectives *inexplicable* and *incomprehensible* and their derivatives are frequent in Pogodin's works depending on the syntagmatic environment and the text assignment, these units actualize the meaning of inexpressible or incomprehensible. The adjective *unknown* is 10% of the total amount of means of expression of inexpressible.

Keywords: publicism of the XIX century, apophatism, apophatic theology, functional-semantic category, semantics of inexpressible

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ НЕВЫРАЗИМОГО В ПУБЛИЦИСТИКЕ XIX В.

(Резюме)

Статья посвящена характеристике средств передачи функционально-семантической категории невыразимого в публицистике XIX в. на материале произведений М. П. Погодина. Дана краткая характеристика значения невыразимого; это значение сопоставлено с сопряженными функционально-семантическими категориями непостижимого, незримого, а также категориями неопределенности и неизвестности. Показано, что организация средств передачи сопряженных категорий в публицистике Погодина базируется на приеме апофатизма. Публи-

цистическому творчеству историка-публициста свойственны как однословные конститuentы невыразимого, так и в составе предложения. Наиболее частотным является адъектив *непостижимый* и его дериваты (*непостижимое, непостижимо, непостижимость*). Частотны в публицистике Погодина адъективы *неизъяснимый* и *необъяснимый* и их дериваты; в зависимости от синтагматического окружения и текстового задания эти единицы актуализируют значение невыразимого или непостижимого. Адъектив *неведомый* составляет 10% от общего количества средств передачи невыразимого.

Ключевые слова: публицистика XIX в., апофатизм, апофатика, функционально-семантическая категория, семантика невыразимого